

УДК 81'374:94(038)
DOI: 10.17223/22274200/17/2

А.П. Майоров

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ СПРАВКА В РЕГИОНАЛЬНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

Рассматривается проблема информативности иллюстраций в региональном историческом словаре как важнейшего способа подтверждения толкования значения регионализмов определенного типа – слов, заимствованных из автохтонных языков. Исследуется один из путей решения проблемы – применение источниковедческой и этимологической справок, выполняющих функцию верификации значения регионального слова, рассматриваются условия и особенности введения этих справок в словарную статью с учетом узальной природы регионализма.

Ключевые слова: *иллюстрации, автохтонные заимствования, этимологизация, источниковедческая справка.*

Введение

В изучении истории русской лексикографии невозможно обойти вниманием важный этап ее развития: с 70-х гг. XX столетия наряду с известными фундаментальными историческими словарями русского языка стали издаваться региональные исторические словари, по замыслу составителей, ставящие целью представлять народно-разговорную лексику, ограниченную в своем функционировании территориально. Это такие лексикографические труды, как «Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII вв.» (сост. Н.А. Цомакион) [1], «Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в.» (сост. Л.Г. Панин) [2], «Региональный исторический словарь второй половины XVII–XVIII вв.» (сост. Е.Н. Борисова) [3], «Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII в.» (сост. В.В. Палагина, Л.А. Захарова, Г.Н. Старикова) [4], «Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII в.» (сост. Е.Н. Полякова) [5], «Исторический словарь Восточного Забайкалья (по материалам нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв.)» (сост. Г.А. Христосенко, Л.А. Любимова) [6], «Словарь русского языка XVIII в.: Восточная Сибирь. Забайкалье» (сост.

А.П. Майоров) [7]. С определенными оговорками к таким словарям можно отнести «Псковский областной словарь с историческими данными» (сост. А.С. Герд, О.С. Мжельская, Л.Я. Костючук и др.) [8]. Здесь же нельзя не упомянуть «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» [9], поскольку в его словник включается лексика живого русского языка, бытовавшая на территории различных регионов Московского государства (Пермского края, Сибири, Смоленщины), и в связи с этим словарь предоставляет ценную лингвогеографическую информацию, позволяющую идентифицировать региональный / общеупотребительный статус исторического слова.

Составление региональных исторических словарей – закономерный этап в развитии русской исторической лексикологии и лексикографии. Вопрос становления норм национального языка на обширном лингвистическом пространстве России трудно решать без представления о том, как проходил этот процесс в разных регионах, особенно на отдаленных окраинах российского государства. Лексика как наиболее динамичная подсистема языка, открытая для непосредственного воздействия экстралингвистических факторов, особенно связанных с социо- и этнокультурными контактами языка на территориях с полиэтничным населением, испытывает непрерывные изменения, и региональные словари призваны фиксировать те из них, которые с течением времени закрепились в исследуемых идиомах.

При всей неоспоримой актуальности введения в научный обиход подобных словарей, теоретической и практической значимости лексикографически представленного в них лексического материала, нельзя не заметить отражения в них извечных проблем лексикографии – проблем границ и объема словника, источниковедческой базы словарей дифференциального и полного типа, орфографической записи заглавного слова, низкой информативности иллюстративного материала и т.п. Для решения некоторых из этих проблем предлагается активное введение в практику составления региональных исторических словарей этимологической и источниковедческой справки.

Этимологическая характеристика толкуемого слова в словарной статье исторического словаря не дается. Исключение составляет определенная категория иноязычных слов, заимствование которых на том или ином этапе исторического развития языка бывает особенно интенсивным. Такое заимствование, как правило, связано со спецификой культурно-языковой ситуации, обуславливающей применение

иноязычных средств наименования новых реалий, которые усваиваются в результате активизирующихся социокультурных контактов. Так, в истории России можно вспомнить эпохи, ознаменованные теми событиями, которые были связаны с определенным влиянием иной культуры и влекли за собой существенные изменения в культурно-языковой ситуации России, проявлявшиеся, в частности, в активной рецепции иноязычных слов.

Например, Крещение Киевской Руси, реформы Петра Великого, всесторонняя демократизация сложившегося в СССР общественно-политического и экономического строя (перестройка) предопределили, соответственно, активное заимствование лексических единиц из греческого (византийского) языка в X–XI вв., западноевропейских языков (голландского, немецкого, французского и др.) в XVIII в., английского языка в XX–XXI вв. Всё это получает отражение в практике составления исторических словарей: так, в «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» особо отмечается роль греческого материала и в словарной статье «для слов, заимствованных из греческого языка (в том числе усвоенных им гебраизмов) приводится соответствующее греческое слово: адамантъ [...] с. *Αδαμας*, -υτος. *Алмаз* ...; левить ... *λεβίτης*, -τος. *Котел*» [10. С. 15]. Аналогичным образом в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» к заимствованным лексемам в круглых скобках может приводиться¹ предполагаемый этимон: БАВОЛНА, ж. *Βατα*, хлопок (Ср. укр. бавовна, польск. bawełna) [11. Вып. 1. С. 67], РЫТЕРЪ, м. *Рыцарь* (ср. ср.-в.-нем. Ritter)... [Там же. Вып. 22. С. 277]. В Словаре русского языка XVIII в. выделяются многочисленные заимствования как результат «живых и тесных контактов с другими языками» в данный исторический период. Эти лексические новации, «проходящие стадию вхождения и освоения» в восемнадцатом столетии, сопровождаются в словаре сведениями из иноязычных источников: КРАН. Гол. *kraan*, нем. *Krahn*; КАВАЛЕРИЯ. Ит. *cavalleria*, через польск. *kawaleruja*, фр., нем. *cavallerie* [12. С. 133–135].

Наконец, в толковом словаре современного русского языка даются этимологии к иноязычным словам, вошедшим в русский язык не ранее XVII в. [13. С. 13]. Сегодня некоторые ученые подчеркивают актуальность выработки новой концепции этимологии, особенно важ-

¹ В данном историческом словаре большинство заимствованных слов этимологической справки не имеют, а принципы подачи этимологических сведений к определенным категориям слов во введении не оговариваются.

ной при описании новейшей заимствованной лексики, не устоявшейся в русском языке [14].

Этимологизация может выступать одним из видов верификации значения лексемы, поскольку «этимологические знания присутствуют в словарной статье и в случае необходимости моделируют трактовку лексикографом слов, в том числе слов современного языка и диалектов» [15. С. 144]. Особо подчеркивается и опора при семантическом описании на ведущий принцип историзма, – принцип, который предопределяет учет данных контекста иллюстраций и этимологических сведений по толкуемому слову, а также даются рекомендации по ссылке на справочную литературу, родственный диалектный материал, энциклопедические или исторические сведения и т.д., поскольку такая источниковедческая справка существенно обогащает лексикографическую информацию [16. С. 23–24].

В региональных исторических словарях лексикографически представляемый региолект отличают заимствованные из автохтонных языков слова, которые, будучи употребительными в разных регионах Российского государства, в условиях неизбежного лингвистического контактирования с русским языком «поставляли» в него наименования вновь осваиваемых культурных реалий. Помимо этого, известные слова, заимствованные в восемнадцатом столетии из западноевропейских языков, в региолекте могли преобразовываться в своеобразные фонетические, словообразовательные, лексико-семантические варианты, которые представляют эти лексемы порой в совершенно неузнаваемом виде.

Подобные заимствования, по нашему убеждению, следует сопровождать этимологической справкой, и главная цель статьи заключается в том, чтобы обосновать необходимость этимологизации той категории регионализмов, семантическое толкование которых неубедительно в силу скудной доказательной силы иллюстративного материала. В связи с этим, в статье доказывалась также целесообразность обязательного сопровождения толкования значения регионального слова при малоинформативном иллюстративном материале ссылкой на источник, который способен подтвердить толкуемое значение слова.

Проблема информативности иллюстраций в региональном историческом словаре

Для иллюстраций (*языковых примеров*) в словаре обычно называют ряд функций, среди которых в целях нашего исследования следует

выделить две: это подтверждение наличия слова или значения в языке и разъяснение значения слова в контексте [17. С. 463]. Подтверждение иллюстративным материалом толкования значения слова входит в первоочередные задачи регионального исторического словаря. Как заметил Г.В. Судаков, «для читателя исторического словаря единственным и окончательным авторитетом является цитата, причем цитата семантически содержательная, демонстрирующая семантический, грамматический и фонетический потенциал слова» [18. С. 129]. Составители региональных исторических словарей в качестве главного, а порой единственного источника отбора лексики используют деловые тексты определенного исторического периода, созданные на территории исследуемого идиома. Памятники деловой письменности, выступающие в роли лексикографического источника, обладают одним существенным недостатком – им в большинстве случаев присуща малоинформативность иллюстративного материала, слабо аргументирующего словарную дефиницию¹.

В исторической лексикографии обычно прибегают к трем способам аргументации толкуемого значения: «1) при наличии какого-то иного источника (лексикографического труда, специального научного исследования), содержащего определенную характеристику семантики толкуемого слова, и отсутствии ее в иллюстративном материале может даваться ссылка на этот источник (ср., например, богатую систему ссылок в [6]); 2) если контекст не позволяет сделать достаточно полное и точное описание реалии, то используется обобщенная характеристика в толковании значения слова; 3) если контекст иллюстрации позволяет гипотетически вывести те или иные свойства обозначаемого денотата, но другими источниками они не подтверждаются, после толкования значения ставится знак вопроса» [19. С. 207–208]. На практике ссылка на тот или иной источник осуществляется редко.

Насколько важной является источниковедческая справка, свидетельствуют те немногие исторические словари, в которых ссылка на другие источники дается регулярно. Так, основным принципом «Словаря языка мангазейских памятников...» [1] и «Исторического словаря

¹ При всем жанровом разнообразии документации того или иного исторического периода для памятников деловой письменности в целом характерна определенная тематика лексики делового языка, стилистическая однородность словаря, преимущественное функционирование дело- и судопроизводственной терминологии.

Восточного Забайкалья...» [6] является сопоставительный анализ с данными других лексикографических трудов (исторических и диалектных словарей). Такое сопоставление дает возможность «проследить историю слова в его хронологической последовательности, установить первоначальное значение слова и выявить семантические сдвиги в структуре исследуемых слов... определить лингвистический статус данных лексем в разные периоды исторического развития языка: являлось ли оно областным или общерусским, закрепилось ли в лексической системе литературного языка» [Там же. С. 9].

Например, в «Историческом словаре Восточного Забайкалья...» представлено слово *ендова* со следующими иллюстративными примерами:

ЕНДОВА (ЯНДОВА), ж. *Медная посуда для пива, браги, меду в виде широкой чаши с носиком.* – Яндова медная луженая в ведро (214, 1702). – 1 пара обито на концах медью ендова красной меди (31, 1764) [6. С. 230].

Указанные в словарном определении денотатные свойства иллюстративным материалом не подтверждаются (функциональный признак – для пива, браги, меду, и признак характерной формы – с носиком, в приводимых контекстах никак не выявляются). Однако в словарной статье примеров, приведенных ниже, даются ссылки на авторитетные источники – «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (Сл. РЯ XI–XVII вв.), «Словарь русского языка XVIII в.» (Сл. XVIII в.), «Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля» (Сл. Д.), в которых отмечаемые семантические признаки у слова *ендова* фиксируются, и это компенсирует недостатки иллюстративных примеров в забайкальском словаре:

Сл. РЯ XI–XVII вв.: **Ендова (яндова)**, ж. Ендова, большой широкий сосуд с открытым носиком; род братины. Яндова съ носкомъ серебряна бэла, по вэнцу рэзаны травы золочены, вэсу поль 7 гривенки. Оп. им. Ив. Гр., 25.1583 г. (5, 51).

Сл. XVIII в.: **Ендова (ян-)**, -ы, ж. Широкий сосуд для вина, меда; род братины. На сцэнэ появились фляжки и ендовы Сиб. М. II 47 (7, 78).

Сл. Д.: **Ендова**, ж. широкий сосуд <без ь – так в [6]> съ отливомъ или носкомъ, для разливки питей; мэдная посудина въ видэ чугуна с рыльцемъ (1, 59) [Там же. С. 230].

Примеры контекстов, плохо раскрывающих толкуемое значение регионализма, встречаются во всех без исключения региональных исторических словарях, и они в основном однотипны. Чаще всего неинформативность иллюстративных примеров обнаруживается у регионализмов, которые представляют собой элементы безэквивалентной лексики и в силу действия такой текстовой категории, как пресуппозиция, в контекстуальных условиях делового содержания своей функции не выполняют. Для пользователя они имеют больше прикладное значение – как свидетельство функционирования лексемы в данной идиоме в определенный исторический период:

ЛИТЯК, м. *Поддельный дорогой камень, стекло, отлитое и отграненное под самоцветный камень.* – 30 дружков камня сережного литяков – 16 алтын (Томск, 1624) [4. С. 117].

ЧЕМИЧ... *Большая разливательная ложка.* – 6 чемичов железных (Тобол., 1625) [2. С. 170].

В приведенных примерах приписываемые слову *литяк* семантические признаки ‘поддельный’, ‘дорогой’, ‘отграненный’, а слову *чемич* – ‘большой’, ‘разливательный’, в иллюстративном материале не опознаются.

В историческом словаре при неудовлетворительных по информативности языковых примерах выделяются три группы регионализмов, в отношении разъяснения значений которых обнаруживается целесообразность и возможность применения источниковедческой справки, с одной стороны, и нецелесообразность и невозможность ее использования – с другой.

В первую группу входят региональные слова, значения которых полностью удостоверяются данными других лексикографических трудов, однако ожидаемых ссылок на них в словарной статье нет. Например, слово *кирень* с вариантами *керень*, *кирюн* в [5. Вып. 2. С. 152] толкуется как ‘ременная или из веревки петля из ремня для лазанья сборщика меда по деревьям’, и толкование данного значения иллюстрирует следующий контекст:

Взяли два киреня с арканом... явилось аркан ременной... грабежем взяли 3 кереня... взяли кирюн две теслы бортевые <...> 1710.

Очевидно, что примеры подтверждают только факт бытования слова в пермском региолекте начала восемнадцатого столетия, но не толкование значения слова.

В то же время в «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля находим:

КИРЕНЬ... Род сыромятного плетеного пояса или просто веревки, которую бортевщикъ обноситъ на слаби вокругъ себя и дерева, для лаженья по голомени, по дереву [20. Т. 2. С. 109].

Похоже, эта информация послужила основой для дефиниции слова в указанном региональном словаре; в этом случае ссылка на авторитетный источник сняла бы возникающие вопросы.

Во вторую группу входят слова, толкование значений которых обнаруживает семантические расхождения со значениями тех же слов, представленных в других лексикографических исследованиях. Так, у слова *холуй* в [5. Вып. 6. С. 86] выделяются два значения: 1. Деревянные орудия, деревянные сооружения. 2. Место наноса половодьем на реке и на пойменном берегу веток, кустов. Если второе значение убедительно подтверждается данными русских народных говоров (ссылку на источники см. в [21. Т. IV. С. 259]), то первое значение в кругу значений с общей семьей 'хлам' представляется уникальным. Проблема достоверности толкования первого значения осложняется иллюстративными примерами, неоднозначно характеризующими толкуемое значение:

Досталась... сѣничишка старая и с холуем <...> 1644; Изба да клить наземная и со всем холуем дворовым <...> 1615. [5. Вып. 6. С. 86].

Источниковедческая справка здесь, ввиду семантических расхождений, будет нецелесообразна. Более востребованными в этом случае видятся этимологические сведения, которые помогут должным образом скорректировать толкование первого значения: слово *холуй* представляет собой прибалтийско-финское заимствование из источника типа фин., карел. *kalu* 'вещь, предмет' [22. С. 620]. Примечательно дополнение А.Е. Аникина о том, что коми *колуй* 'вещи, принадлежности; инструмент, орудие' является обратным заимствованием из русского, т.е. в русских говорах данного региона семантика заимствованного из финно-угорских языков слова развивалась дальше и в нем уже сформировалось то новое значение, которое было заимствовано языком коми. В свете этимологической справки можно констатировать,

что у многозначного слова *холуй* в пермском региолекте XVII в. было известно значение ‘вещи, утварь, инструменты’, чему приведенные иллюстративные примеры уже не противоречат.

Наконец, третью группу составляют слова, толкование значений которых либо не находят подтверждения в других лексикографических трудах, либо имеют неполное по информативности подтверждение определяемого значения. В том же [5. Вып. 6. С. 12] слово *тастар* со значением ‘платок, который носили татарки и башкирки’ иллюстрируют следующие примеры:

Явилось в избе в печи кафтан красного сукна яренового два тастара по концам шито шелком <...> 1710.

Слово как ярко выраженный регионализм в фундаментальных лексикографических трудах не фиксируется, поэтому ссылка на какие-либо исторические и диалектные словари невозможна, но толкуемое значение подтверждается благодаря предварительной этимологизации¹, устанавливающей генетический прототип в виде башкирского слова *тастар* ‘платок с вышитым концом, повязанный в виде чалмы, к-рый носили пожилые женщины’ [23].

Примером неполного подтверждения является слово *клиба*, представленное в [3. С. 113] со значением ‘крученный березовый или еловый прут, употреблявшийся для связывания бревен, жердей и т.п.’:

¹ Как известно, целью этимологического анализа слова является «определение того, когда, в каком языке, по какой словообразовательной модели, на базе какого языкового материала, в какой форме и с каким значением возникло слово, а также какие исторические изменения его первичной формы и значения обусловили форму и значение, известные исследователю» [17. С. 596]. В отличие от него предварительная этимологизация ставит задачу генетического отождествления рассматриваемого слова или его основы с другим словом или его основой как производящим без реконструкции первичной формы и исходного значения, а также без рассмотрения позднейших исторических изменений.

Предпринимаемая предварительную этимологизацию регионального слова, лексикограф – составитель регионального исторического словаря, имеет определенные преимущества в этом виде работы. В отличие от других лексикографов он располагает более широкими возможностями проверки данных, которые могут быть получены в результате непосредственного контакта с информантами – носителями региолекта и автохтонного языка, из которого заимствованы слова, лучше ориентируется в этнографической, лингвокраеведческой литературе, способной предоставить необходимую информацию и т.п.

И мы сироты ваши те... лесные товары по ево велению не ослушалис дуб резали и щеглы из лесу тянули и жердь и сухой лес и кии и клибы и веревки и платы платили и изготовили и к Су-рожу согнали. <...>. 1688 г.

Единственное однокоренное образование *клибинка* отмечается В.Н. Добровольским [24], и оно имеет значение ‘гибкий еловый прут’, которое лишь частично удостоверяет значение слова *клиба* в региональном историческом словаре.

Таким образом, реализация функции верификации значения у источниковедческой справки ограничивается фактором употребительности слова в письменных памятниках – чем употребительнее региональное слово, тем больше обозначается преимущество разнообразных контекстов, в которых значение слова может быть достоверно идентифицировано, тем больше шансов создать лексикографический портрет слова по данным разных исследований, лексикографических трудов. Однако когда мы говорим о той группе регионализмов (в основном автохтонных заимствованиях), у которых прослеживается большее территориальное ограничение в функционировании и они не представлены в каких-либо иных словарях, тогда источниковедческая справка – слабый помощник в подтверждении толкования значения слова, о чем красноречиво свидетельствуют слова третьей группы. В этом случае эффективен другой способ верификации значения регионального слова – этимологическая справка.

Функции этимологической справки в региональном историческом словаре

Анализ лексикографической разработки регионализмов в региональных исторических словарях показывает, что этимологическая справка востребована для выполнения ряда функций, существенно дополняющего лексико-семантическое описание толкуемого регионального слова, придавая словарной статье законченный вид.

Прежде всего, этимологической справке в историческом словаре присуща **функция верификации значения регионализма**. Ее реализация в свою очередь варьируется в зависимости от узуальной природы региональных слов, подразделяемых на следующие разряды:

а) автохтонные заимствования, представленные в русском языке в нескольких фонетических вариантах;

б) автохтонные заимствования, пришедшие в русский язык в вариантах слова-этимона;

в) заимствования, фиксируемые в текстах однократно (слова-гапаксы).

Рассмотрим реализацию указанной функции в отношении выделенных категорий регионализмов.

а) **Автохтонные заимствования, употребляющиеся в региональном варианте русского языка в нескольких фонетических вариантах** – обычно наиболее распространенная группа новозаимствованных слов, еще не устоявшихся в принимающем языке и проходящих в нем период адаптации. Так, в забайкальском региолекте XVIII в. для наименования двухлетнего бычка употреблялось слово, представленное в письменных памятниках в вариантах *качерик / качерык / качарык / качарик / кашарык / каширык*. Как уже было отмечено выше, главная трудность при семантизации заимствованного слова возникает из-за прагматической пресуппозиции как коммуникативного фактора словесной организации делового текста, и для данной категории слов она усугубляется наличием многообразных вариантов. В скорописных документах XVIII в., хранящихся в иркутском, читинском государственных архивах, Государственном архиве Республики Бурятия (ранее – Национальный архив Республики Бурятия), обнаруживается следующее употребление вариантов этого слова:

– Бычков качерыков дватцат[ь] (ГАИО. Ф. 482, 1752)¹. – Качариков бычков и телокъ дватцат[ь] девять (Там же. Ф. 121, 1755). – Вверхъ иркутской заимкэ рогатого скота коров, нетелей, быковъ и качериков и малых теленков девяносто одна (Там же). – Пал бычекъ качарикъ (НАРБ. Ф. 262, 1760). – Потерялись у него из рогатого скота две коровы с кашырыками (Там же. Ф. 20, 1792). – 2^х коров с кашарыками (Там же).

Информативная бедность данных контекстов, используемых в качестве иллюстративных примеров в региональном историческом словаре, компенсируется за счет сведений по этимологии заимствованного слова:

¹ В круглых скобках здесь и далее после представленного языкового материала кратко указываются выходные данные архивных источников, в которых содержатся неопубликованные скорописные деловые бумаги XVIII в.

Связано с бур. хашараг 'двухгодовалый телок, двухлетний бычок' (БРС, 565). "Трудность состоит в объяснении -ч-. Проще всего допустить, что качарик из тюрк. источника типа казах. қасар 'двухлетний теленок' с прибавлением рус. суф. -ик при одновременной контаминации с формами с -ш-, т.е. каширик и др. [22. С. 274].

В этом случае этимологическая справка попутно решает проблему выбора варианта в роли заглавного слова, на которое будет претендовать вариант, формально более близкий к этимону. Таким образом, разработанная в [7] словарная статья выглядит следующим образом:

КАШАРЫК (КАШИРЫК, КАЧАРИК, КАЧАРЫК, КАЧЕРИК, КАЧЕРЫК), -а, м. Теленок по второму году. < Далее приведенный выше материал памятников в качестве иллюстрации >.

Связано с бур. хашараг 'двухгодовалый телок, двухлетний бычок' (БРС, 565)... (Аникин 2000, 274) [7. С. 191–192].

б) Автохтонные заимствования, пришедшие в русский язык в вариантах слова-этимона. Региональное слово, реализующееся в редком, порой уникальном варианте общеупотребительного слова, может внести коррективы в интерпретацию его происхождения, подтвердить какую-то этимологическую версию, нуждавшуюся в достоверном материале. В тех же забайкальских скорописных памятниках деловой письменности XVIII в. встречается слово *засул* в контекстах:

– Такжеже засулу указомъ повелено стоять при караулэ в близности а оной засул Шинаргей стоять в караулу в дальномъ растаянии (ГАЧО. Ф. 10, 1747). – Просясть о определени <sic!> их Ананду на место отца <...> в засулы (РГАДА. Ф. 1092, 1754).

Фонематическим вариантом слова в забайкальском региолекте того времени являлось слово *ясаул*, о чем свидетельствуют те же тексты забайкальских деловых бумаг. В документе, где речь шла о засуле Шинаргее, далее написано: *а къ ясаулу Шинарге послан из Нерчинской канцелярии указъ* (ГАЧО. Ф. 10, 1747).

У вариантов *засул* / *ясаул* источником являются заимствованные в русский язык генетически близкие бурятские и среднемонгольские формы, которые имеют фонетические соответствия в виде звуковых корреспондентов *з* – *ж* – *ј* [22. С. 210]. Как раз форма *засул*, не фикси-

руемая историческими словарями, но представленная в забайкальских документах XVIII в., выступает генетически родственной формам *есаул / ясаул*.

Таким образом, во избежание экстраполяции понятийных признаков современного слова *есаул* на содержание толкуемого слова этимологическая характеристика генетически родственных лексем *засул*, *ясаул* (*есаул*) в региональном историческом словаре представляется обязательной, и их словарные статьи оформляются следующим образом:

ЗАСУЛ, -а, м. *Должностное лицо в роду у монголов и бурят; старший помощник шуленги. То же, что ясаул.* – <Далее приведенный выше материал памятников в качестве иллюстрации>.

▪ < бур. * *zasūl*=*заһуул* уст. '*есаул*', ср. ср.-монг. *žasaul~jasaul~žasavul*, н.-монг. *žasaul~jasayul* '*командир фланга, помощник командира, уставицик*', *žasa-* ~ *јаса-* '*исправлять, поправлять, устраивать*' (Аникин 2000, 210) [7. С. 159].

ЯСАУЛ (ЕСАУЛ), -а, м. *То же, что засул.* – <Далее иллюстративный материал, приведенный выше> [Там же. С. 535].

ЕСАУЛ. См. *ясаул* [Там же. С. 135].

в) **Займствования, фиксируемые в текстах однократно (словогапаксы).** Особенно востребованными этимологические сведения могут оказаться тогда, когда историческое слово встречается в письменных источниках один раз. Словогапакс в этом случае вызывает подозрение в том, что оно есть не что иное, как словофантом, возникшее в результате описки, ошибки пишущего, неверно прочитавшего в исходном документе незнакомое ему слово, элементарной безграмотности того, кто составлял текст, и т.д. В связи же с однократной фиксацией слова возникают сомнения в целесообразности отождествления его как самостоятельной лексической единицы исследуемого идиома и создания в словаре ее словарной статьи. Развеять эти сомнения способна этимологизация слова. Так, в забайкальских документах XVIII в. было обнаружено слово *назарет* (с вариантом *налазарет*):

– И с челобыт[ь]и <*sic!*> и пошлыны и в назареты взять по указу (ГАЧО. Ф. 10, 1748). – И с челобыт[ь]а пошлыны <*sic!*> и в налазареты взять по указу и записать в приходь (Там же).

Данная лексическая единица – гапакс: в исторических словарях русского языка (в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», «Словаре

русского языка XVIII века») она не отмечена. Очевидны ассоциации звукового облика слова с лексемой *лазарет*, однако совершенно неочевидны указания контекста на медицинское учреждение в качестве референта этого слова.

С учетом этимологической характеристики словарная статья данного слова принимает следующий вид:

НАЗАРЕТ (НАЛАЗАРЕТ), -а, м. *Лазарет*. – < Далее приведенный выше материал памятников в качестве иллюстрации >.

▪ Франц. *lazaret* восходит к венец. *lazareto*, которое, как полагают, из **nazareto* (сначала госпиталь для чумных больных на острове di Santa Maria di Nazareto в Венеции во время эпидемии чумы в 1423). Изменение *n > l* в начале слова под влиянием *lazzaro, lazzarone* ‘нищий, босяк’ (Черных, 1, 463) [7. С. 248].

Примечателен тот факт, что реконструкция исходной формы слова **nazaret* являлась только гипотезой П.Я. Черных, поскольку не подтверждалась фактами употребления этой формы в каких-либо текстах (диалектных или письменных источниках), и данные забайкальского памятника выступают исключительно важным свидетельством не отмеченного ранее в письменных памятниках этапа исторической эволюции слова.

Можно предположить, что функционирование слова в региональном узусе в его первоначальной форме *назарет* повлекло затем ее архаизацию, в отличие от инновации *лазарет*, и консервацию этой формы в забайкальском региолекте, что в принципе соответствует одному из положений ареальной лингвистики о том, что архаичные варианты слов сохраняются в зоне более поздней колонизации, каковой является территория Забайкалья. В результате слово *назарет* в значении ‘лазарет’ приобретает статус регионализма / диалектизма.

Помимо функции верификации значения слова у этимологической справки в региональном историческом словаре актуальна **функция историко-генетической характеристики регионализма**. Она заключается в том, что:

а) раскрывает пути исторической эволюции слова, которая может проявляться употреблении незнакомого литературному языку варианта слова;

б) поясняет орфографическую запись слова, которая свидетельствует о консервации в региолекте архаичного варианта данного слова;

в) уточняет хронологические рамки процесса заимствования.

Рассмотрим по порядку разновидности этой функции.

а) **Характеристика путей исторической эволюции слова.** Региональный вариант известного слова может поведать о неожиданном пути его заимствования. В забайкальских памятниках первой трети восемнадцатого столетия слова *герб*, *гербовый* употребляются в фонетических вариантах *ербь*, *ербовой*¹, не отмечаемых ни в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», ни в «Словаре русского языка XVIII века»:

– 10 дисти бумаги средняго ербу десть малаго ербу пят[ь] листов болшого ербу десть пищевой бумаги бэз ербу (ГАЧО. Ф. 31, 1705). – Селетокъ кобылка голубая крылата на правой лопатке ербь (РГАДА. Ф. 1092, 1730). – В том ему Соколову и ярлык дан ербовой бумаги и за ербь денга взята (ГАЧО. Ф. 10, 1736). – За бумагу ербову взято <...> (Там же).

Данный вариант свидетельствует в пользу устного пути заимствования: слово пришло из польского *herb* через украинское посредство *герб*, в котором заднеязычный *г* был фрикативным, а устно-разговорное, как правило, диалектное освоение слов со звонким заднеязычным перед гласным переднего ряда могло сопровождаться нулевой редукцией этого согласного: *генерал* – *енарал*, *герань* – *ерань*.

Не исключен иной путь заимствования. По мнению этимологов, польское *herb* было заимствовано из чешского [26. Т. 1. С. 186], а в чешском языке это воспринятое в свою очередь из немецкого языка слово звучит не иначе, как *erb*² с производным прилагательным *erbovy*. В связи с регионализмами *ербь*, *ербовой* можно предположить

¹ В деловой письменности XVIII в. в отличие от книжно-литературных текстов сохраняется норма употребления формы прилагательных Им. п. муж. р. ед. ч. на *-oi/-ei* (независимо от ударения на основе или окончании).

² М. Фасмер в словарной статье слова *герб*, в отличие от П.Я. Черных, приводит чешское *herb* [21. Т. I. С. 402]. Если это не описка ученого, то следовало бы ожидать каких-то комментариев появления такой огласовки на определенной стадии исторического развития древнечешского языка. Появление варианта *herb*, наряду с *erb*, возможно, было связано с характерным для чешского языка гортанным взрывом в начале слова перед гласными и постепенным формированием звонкого глоттального спиранта *h* в начале слова *erb*, заимствованного из немецкого.

рецепцию данной формы, которая отражает непосредственное влияние чешского языка, исключаящее польско-украинское посредство.

Таким образом, предполагается следующая словарная статья исторического слова с этимологической справкой¹:

ЕРБ, -у, м. *Изображение государственного герба*. – < Далее приведенный выше материал памятников в качестве иллюстрации >.

Займств. при украинско-белорусском посредстве из польск. *herb*, в польском – из чеш. *herb/erb*, которое в свою очередь из ср.-в.-н. *erbe* «наследство» [21. Т. I. С. 402; 25. Т. I. С. 186]. Региональные варианты слова *герб* указывают на два возможных пути заимствования: (1) из польск. *herb*, устно-разговорная адаптация которого на русской почве привела к тому, что звонкий глоттальный спирант *h* в начале слова подвергся нулевой редукции; (2) из чеш. *erb*, исключая украинско-белорусское посредство. Начальное *h* развилось в древнечешском, в результате чего образовались два варианта произношения слова: *herb/erb*.

ЕРБОВОЙ, -ая, -ое. *Отнщц. к ербу*. – < Далее приведенный выше материал памятников в качестве иллюстрации >.

б) Пояснение орфографической записи слова как свидетельства консервации в региолекте архаичного варианта регионализма. В письменных памятниках нередки случаи орфографической записи слов, которая отклоняется от ставшего впоследствии нормативным орфографического облика слова и в региолекте XVIII в. представляет собой либо вариант его более распространенного правописания, либо является единственно возможным написанием. В частности, это написания с гласной буквой под ударением, обозначающей этимологический гласный звук (*банкрут*, *спехивать*), с безударными гласными буквами, обозначающими исконные, этимологические гласные звуки (*коурый*, *кропива*, *зород*, *мезинец*), с согласными буквами, обозначающими этимологические согласные звуки (*матроз*), написания, с точки зрения современного восприятия исторического слова передающие либо «утрату», либо «вставку» какого-либо звука (*комплет*, *сварнизон*).

¹ В словаре [7. С. 135] слово *ербъ* с прилагательным *ербовой* представлены без этимологической справки.

Как уже отмечено выше, многие из этих архаичных написаний могли употребляться наряду с вариантами, впоследствии ставшими орфографической нормой современного русского языка: *кропива* – *крапива*, *зород* – *зарод*, *комплет* – *комплект*, *гварнизон* – *гарнизон*. В региональном историческом словаре необходимо последовательно придерживаться принципа историзма и орфографическую подачу заглавного слова ориентировать на исконное написание, в обоснование чего сопровождать слово этимологической справкой, которая также будет служить средством демонстрации исторических изменений слова в плане выражения.

Например, в [7. С. 209] слово *каурый* представлено в следующем виде:

КОУРОЙ (КОВУРОЙ), -ая, -ое. *Светло-каштановый, каурый (о масти домашних животных)*. – Конь коурой грива стрижена (РГАДА. Ф. 1069, 1725). – <Телка> ковурая рога калачем (ГАИО. Ф. 282, 1728). – Кон[ь] коурой крылатой ноздри пороги (НАРБ. Ф. 262, 1760). – Не явилось кобылы шерсти коурой (Там же. Ф. 88, 1792).

Вместе с тем этимологическая справка дала бы необходимые сведения, которые разъясняют причину написания слова с буквой «о» в корне на протяжении всего восемнадцатого столетия:

Из тюрк.; ср. казах., чагат. коңир ‘саврасый, буланный’... сев.-тюрк. kovur ‘карий’ [21. Т. II. С. 211].

Следует заметить, что написание слова с буквой «о» поддерживалось также окающим произношением в забайкальском региолекте, которому в XVIII в. акающий вариант *каурый* был еще неизвестен.

в) **Уточнение хронологических рамок процесса заимствования.** Этимологическая справка, помимо собственных сведений по происхождению слова, позволяет уточнить время появления на русской почве новозаимствованного слова, функционирование которого в региональном узусе деловой письменности предопределяло консервацию его первичной звуковой формы, отражаемой в орфографической записи.

Региональные варианты новозаимствованных слов могут отличаться большей формальной (фонетической) близостью к этимону в связи со сравнительно небольшим промежутком времени, прошед-

шим с момента рецепции иноязычного слова. Об этом, например, свидетельствует история заимствования слова *канифоль*, которое в забайкальских памятниках XVIII в. представлено в форме *калафония*:

– Пять фунтов антимонии одиннадцать скипидару три фунта калафонии (10, 1710) [6. С. 18].

В русском литературном языке XVIII в. первые фиксации слова относятся к 1719–1724 [26. Вып. 9. С. 233]. Слово в историческом словаре дано уже в тех вариантах, которые отражают формальные изменения, произошедшие на русской почве: *канифоль*, *колофонь* и *калифонь* [Там же]. Материалы регионального «Исторического словаря Восточного Забайкалья» предоставляют редкую форму, практически непосредственно восходящую к этимону: *калафония* – ср. лат. *colophōnia* [21. Т. 1. С. 180]. Не случайна в связи с этим отмечаемая в нерчинских источниках XVIII в. более ранняя фиксация слова – 1710 г., она и объясняет меньшую изменчивость формы, в отличие от более поздних форм типа *калифонь*, *канифоль*, прошедших определенные этапы адаптации.

В этом случае функция этимологической справки в словарной статье и будет состоять в подтверждении максимальной близости словарного слова к слову-этимону, передающей новую информацию о времени заимствования:

КАЛАФОНИЯ, -и, ж. *Канифоль*. – <Далее иллюстративный материал, приведенный выше из [6. С. 18]>.

▪ Восходит к лат. *colophōnia (rēsīna)* «колофонская смола» по имени греческого (ионического) города в Малой Азии Колофон Κολοφών (Черных, I, 374). [7. С. 185].

Заключение

В свое время Л.В. Щерба подчеркивал, что в историческом словаре («научном словаре мертвого языка») проблема установления статуса отдельного значения слова должна решаться за счет «исчерпывающего обилия цитат» [27. С. 285], и это по умолчанию означает, что формулировку того или иного значения обязаны подтверждать многочисленные примеры, содержащие разнообразные контексты. Составители исторических словарей поступают прямо

противоположным образом: практически во всех словарях оговаривается использование минимального количества (от одного до четырех) примеров и совсем редко упоминается их функция подтверждения дефиниции слова (см, например, в [4. С. 8; 5. С. 9; 6. С. 8–9]). Таким образом, вопрос об информативности иллюстраций в региональном историческом словаре продолжает относиться к числу скрытых проблем исторической лексикографии. Типичным в словаре является такое построение словарной статьи, при котором семантическое содержание дефиниции в иллюстративных примерах не раскрывается. Связано это с тем, что составители региональных исторических словарей используют определения значений слов, данные в других словарях, и эти определения содержат семантическую характеристику, не подтверждаемую иллюстративным материалом письменных источников данного региона. Отсутствие ссылки, которая объясняла бы толкование значения, формулируемое нередко с подробным перечислением семантических признаков, вызывает вопросы по поводу несоответствия такого толкования бедному содержанию иллюстраций.

Сопоставительный анализ лексикографических трудов показал, что существуют разные категории регионализмов, в отношении которых применима источниковедческая справка как способ верификации толкуемого значения. Если говорить о широко употребительной группе регионализмов, лексико-семантическое описание которых разрабатывалось в ряде лексикографических исследований и в региональном историческом словаре, их дефиниция аналогична какому-то другому определению, то снабжение словарной статьи источниковедческой справкой дает возможность читателю удостовериться в силе аргументации толкуемого значения, увидеть ареал распространения данного слова, хронологические рамки его бытования и пр. В то же время выделяется разряд регионализмов, в отношении которых подобная ссылка невозможна в силу того, что ограниченность круга употребления регионального слова исключительно в локальных скорописных документах предопределяет отсутствие его разработки в различных лексикографических трудах. В этом случае эффективен другой способ верификации значения регионального слова – этимологическая справка.

Реализация этой функции будет варьироваться в зависимости от характера регионализмов, которые подразделяются: а) на автохтонные заимствования, представленные в русском языке в нескольких

фонетических вариантах; б) автохтонные заимствования, пришедшие в русский язык в вариантах слова-этимона; в) заимствования, фиксируемые в текстах однократно (слова-гапаксы).

Этимологическая справка в региональном историческом словаре выполняет также функцию историко-генетической характеристики регионализма. Она предоставляет разнообразные дополнительные сведения: раскрывает пути исторической эволюции слова, которая может проявляться употреблении незнакомого литературному языку варианта слова; поясняет орфографическую запись слова, которая свидетельствует о консервации в региолекте архаичного варианта данного слова; уточняет хронологические рамки процесса заимствования этого слова.

Таким образом, опыт составления региональных исторических словарей обнаруживает целесообразность применения источниковедческой и этимологической справок, позволяющих решать проблемы объема и низкой информативности иллюстративного материала.

Сокращения

БРС – Бурятско-русский словарь.

ГАИО – Государственный архив Иркутской области.

ГАЧО – Государственный архив Читинской области.

НАРБ – Национальный архив Республики Бурятия.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Литература

1. Цомакион Н.А. Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII вв. Красноярск : [б. и.], 1971. 581 с.

2. Панин Л.Г. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. Новосибирск : Наука, 1991. 181 с.

3. Борисова Е.Н. и др. Региональный исторический словарь второй половины XVI–XVIII вв. (По памятникам письменности Смоленского края). Смоленск, 2000. 368 с.

4. Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века / под ред. В.В. Палагиной, Л.А. Захаровой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 336 с.

5. Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века / сост. Е.Н. Полякова. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1993–2001. Вып. 1–6.

6. Исторический словарь Восточного Забайкалья (по материалам нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв.) / авт.-сост. Г.А. Христосенко, Л.М. Любимова. Чита, 2003. Т. I. 350 с.

7. Майоров А.П. Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. М. : Азбуковник, 2011. 584 с.

8. Псковский областной словарь с историческими данными. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1967.

9. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. СПб. : Наука, 2004.

10. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / гл. ред. Р.И. Аванесов. М. : Рус. яз., 1988. Т. 1. 526 с.

11. Словарь русского языка XI–XVII вв. СПб. : Наука, 1975. Вып. 1.

12. Словарь русского языка XVIII века. Проект. Л. : Наука, 1977. 164 с.

13. Словарь русского языка в четырех томах / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1981. Т. 1.

14. Сергеев М.Л., Фивейская Е.А. Использование сведений об этимологии слова при лексикографическом описании (на материале новейшей заимствованной лексики) // Русский язык: Исторические судьбы и современность. VI Международный Конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет 20–23 марта 2019 г. : тр. и материалы / под общ. ред. М.Л. Ремнёвой, О.В. Кукушкиной. М., 2019. С. 225.

15. Куркина Л.В. Этимология в практике составления диалектных словарей // Актуальные проблемы русской диалектологии : материалы Междунар. конф. (26–28 октября 2018 г.). М. : Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2018. С. 144–146.

16. Генералова Е.В. Принципы и приемы лексикографического описания лексико-семантической системы народно-разговорного русского языка XVI–XVII вв. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 4 (36). С. 19–32.

17. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.

18. Судаков Г.В. Иллюстрации в историческом словаре // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии. Материалы Всероссийской академической школы-семинара. СПб. : Наука, 2005. С. 129–136.

19. Майоров А.П. Иллюстрирование и толкование лексического значения слова в региональном историческом словаре // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2 (18). С. 206–218.

20. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Рус. яз., 1989. Т. 2.

21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : Прогресс, 1987.

22. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва ; Новосибирск : Наука, 2000. 768 с.

23. Башкирско-русский словарь / под ред. З.Г. Ураксина. 1996. URL: <http://mfbl2.ru/mfbl/bashrus> (дата обращения: 30.05.2019).

24. *Смоленский областной словарь* / сост. В.Н. Добровольский. Смоленск : Типография П.А. Силина, 1914. URL: <https://cloud.mail.ru/public/5CU9/DhkfUKqAq> (дата обращения: 10.05.2019).

25. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М. : Рус. яз., 2001. Т. 1. 624 с.

26. *Словарь русского языка XVIII века*. СПб.: Наука, 1997. Вып. 9. 270 с.

27. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука. Ленингр. отд., 1974. С. 256–306.

Source Study and Etymological Information in a Regional Historical Dictionary

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2020, 17, pp. 26–50.

DOI: 10.17223/22274200/17/2

Alexander P. Mayorov, Buryat State University named after Dorzhi Banzarov (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: map1955@mail.ru

Keywords: information content of illustrations, regional historical dictionary, autochthonous borrowings, etymology, source information.

The article poses the problem of the informative value of illustrative examples in a regional historical dictionary as the most important way of confirming the interpretation of the meaning of a certain type of regionalisms—words borrowed from indigenous languages and regional variants of newly borrowed European words. In historical lexicography, this problem has not been theoretically developed; however, in practice, historical dictionaries of various types sporadically give source study and etymological information. Still, in the latter case, the principles of their presentation are either not specified at all, or their wording is purely applied and pragmatic. Thus, this problem exists latently. The essence of the problem analyzed on the material of ten historical dictionaries, including eight regional ones, is that the main source for a regional historical dictionary is monuments of business writing, which provide valuable lexical material mainly in similar contexts that cannot substantiate a dictionary definition. A regular reference to an authoritative source in which the word is developed lexicographically flawlessly is one of the solutions to the problem. However, for certain regionalisms such a reference is impossible: they are used exclusively in local short-writing documents and thus are not analyzed in various lexicographical works. In this case, another way to verify the meaning of a regional word is efficient—via etymological information. The article considers two functions of etymological information in a regional historical dictionary: the function of verifying the significance of a regionalism and the function of the historical and genetic description of a regionalism. For this purpose, material from the *Dictionary of the Russian Language of the 18th Century: Eastern Siberia. Transbaikalia* was used, for it presents the experience of including etymological information on regional borrowings in dictionary entries. The peculiarities of the implementation of the first function are due to the usual nature of regionalisms, which are represented in business texts in their phonetic variants as a result of the early stage of adapting autochthonous borrowings in the Russian language in variants of etymon or hapax words. In such cases, etymological information in a dictionary entry is of great value: the variation of a borrowed word or its one-time fixation, on the one hand, and

pragmatic presupposition as a communicative factor in the verbal organization of a business text and the cause of poorly informative language examples, on the other, predetermine the weak validity of the definition and raise questions to the content of the entry. The second function is realized when etymological information: (a) reveals the historical evolution of the word, which may manifest itself in the use of a variant of the word, which is unknown to the standard language; (b) explains the spelling of the word, which indicates the conservation of the archaic version of the word in the regional dialect; (c) clarifies the chronological framework of the borrowing process. This additional information allows observing the principle of historicism more strictly, it significantly enriches dictionary entries of a regional historical dictionary.

References

1. Tsomakion, N.A. (1971) *Slovar' yazyka mangazeysskikh pamyatnikov XVII – pervoy poloviny XVIII vekov* [Dictionary of the Language of the Mangazeya Monuments of the 17th – the First Half of the 18th Centuries]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical Institute.
2. Panin, L.G. (1991) *Slovar' russkoy narodno-dialektnoy rechi v Sibiri XVII – pervoy poloviny XVIII v.* [Dictionary of Russian Dialect in Siberia in the 17th – the First Half of the 18th Centuries]. Novosibirsk: Nauka.
3. Borisova, E.N. et al. (2000) *Regional'nyy istoricheskiy slovar' vtoroy poloviny XVI–XVIII vv. (Po pamyatnikam pis'mennosti Smol. kraya)* [Regional Historical Dictionary of the Second Half of the 16th–18th Centuries (According to the ancient manuscripts of Smolensk Region)]. Smolensk: Smolensk State Pedagogical University.
4. Palagina, V.V. & Zakharova, L.A. (eds) (2002) *Slovar' narodno-razgovornoy rechi g. Tomskaya XVII – nachala XVIII veka* [Dictionary of Colloquial Speech of Tomsk in the 17th – Early 18th Centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Polyakova, E.N. (ed.) (1993–2001) *Slovar' permskikh pamyatnikov XVI – nachala XVIII veka* [Dictionary of Perm Monuments of Writing of the 16th – Beginning of the 18th Century]. Vols 1–6. Perm: Perm State University.
6. Khristosenko, G.A. & Lyubimova, L.M. (eds) (2003) *Istoricheskiy slovar' Vostochnogo Zabaykal'ya (po materialam nerchinskikh delovyykh dokumentov XVII–XVIII vv.)* [Historical Dictionary of East Transbaikalia (based on materials of Nerchinsk business documents of the 17th–18th centuries)]. Vol. I. Chita: Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University.
7. Mayorov, A.P. (2011) *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka: Vostochnaya Sibir'. Zabaykal'e* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century: Eastern Siberia. Transbaikalia]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr “Azbukovnik”.
8. Larin, B.A. et al. (eds) (1967) *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov Regional Dictionary with Historical Data]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
9. Mzhel'skaya, O.S. (ed.) (2004) *Slovar' obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI–XVII vekov* [Dictionary of Everyday Russian Language of Moscow Russia of 16th–17th Centuries]. Vol. 1. Saint Petersburg: Nauka.

10. Avanesov, R.I. (ed.) (1988) *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI-XIV vv.)* [Dictionary of the Old Russian Language (11th–14th centuries)]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
11. Bogatova, G.A. (ed.) (1997) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII veka* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Vol. 1. Saint Petersburg: Nauka.
12. Sorokin, Yu.S. (ed.) (1977) *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka. Proekt* [Dictionary of the Russian Language of the 18th century. A Project]. Leningrad: Nauka.
13. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. In 4 Vols. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
14. Sergeev, M.L. & Fiveyskaya, E.A. (2019) [The use of etymology in the lexicographical description (on the recent borrowings in Russian)]. *Russkiy yazyk: Istoricheskie sud'by i sovremennost'* [Russian Language: Its Historical Destiny and Present State]. Proceedings of the VI International Conference. Moscow. 20–23 March 2019. Moscow: Moscow State University. (In Russian).
15. Kurkina, L.V. (2018) [Etymology in the practice of compiling dialect dictionaries]. *Aktual'nye problemy russkoy dialektologii* [Topical Issues of Russian Dialectology]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 26–28 October 2018. Moscow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. pp. 144–146. (In Russian).
16. Generalova, E.V. (2015) Principles and methods of lexicographic presentation of the lexicosemantic system of colloquial Russian of the 16th–17th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (36). pp. 19–32. (In Russian). DOI 10.17223/19986645/36/2
17. Yartseva, V.N. (ed.) (1990) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
18. Sudakov, G.V. (2005) [Illustrations in the historical dictionary]. *Aktual'nye voprosy istoricheskoy leksikografii i leksikologii* [Actual Questions of Historical Lexicography and Lexicology]. Proceedings of the All-Russian Seminar. Saint Petersburg. 19–21 October 2005. Saint Petersburg: Nauka. pp. 129–136. (In Russian).
19. Mayorov, A.P. (2009) Illyustrirovanie i tolkovanie leksicheskogo znacheniya slova v regional'nom istoricheskom slovare [Illustrating and interpreting the lexical meaning of a word in a regional historical dictionary]. *Russkiy yazyk v nauchnom oshchchenii – Russian Language and Linguistic Theory*. 2 (18). pp. 206–218.
20. Dal', V.I. (1989) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vols 1–4. Moscow: Russkiy yazyk.
21. Vasmer, M. (1987) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translated from German. Vols 1–4. Moscow: Progress.
22. Anikin, A.E. (2000) *Etimologicheskiy slovar' russkikh dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleoaziatskikh yazykov* [Etymological Dictionary of Russian Dialects of Siberia: Derivations from the Ural, Altai and Paleo-Asian languages]. Moscow; Novosibirsk: Nauka.
23. Uraksin, Z.G. (ed.) (1996) *Bashkirsko-russkiy slovar'* [Bashkir-Russian dictionary]. [Online] Available from: <http://mfbl2.ru/mfbl/bashrus>. (Accessed: 30.05.2019). (In Russian).

24. Dobrovol'skiy, V.N. (ed.) (1914) *Smolenskiy oblastnoy slovar'* [Smolensk regional dictionary]. Smolensk: Tipografiya P.A. Silina. [Online] Available from: <https://cloud.mail.ru/public/5CU9/DhkfUKqAq>. (Accessed: 10.05.2019).

25. Chernykh, P.Ya. (2001) *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.

26. Sorokin, Yu.S. (ed.) (1997) *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Vol. 9. Saint Petersburg: Nauka.

27. Shcherba, L.V. (1974) *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language System and Speech Activity]. Leningrad: Nauka. pp. 256–306.